

Генрих Пиброк

НЕМЦЫ ПОМОГАЮТ СТРОИТЬ АМЕРИКУ – А БЛАГОДАРНОСТЬ АМЕРИКИ?

Оригинал: Heinrich Piebrock, Deutsche helfen Amerika bauen – und Amerikas Dank?

Reihe knapp + klar, Heft 25, Grundlagenverlag, 1999.

Оригинал взят с сайта www.wintersonnenwende.com

Примечание переводчика. Автор приводит имена всех американских немцев в немецком, а не в английском написании. Этот принцип соблюден и в переводе. Например, американский промышленник и бизнесмен Джон Джейкоб Астор именуется в книге Йоханном Якобом.

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Предисловие
2. Новый Свет в процессе становления
3. Немецкая этническая группа во время революции
4. Движение на Запад
5. Участники революции 1848 года
6. Немцы в Гражданской войне и иммиграция после 1870 года
7. Немцы Америки на рубеже столетий
8. Первая мировая война и ее последствия
9. Вторая мировая война и после нее – критические голоса
10. Заключительное слово
11. Послесловие наборщика
12. Библиография

Часть 1: Предисловие

Дважды в двадцатом столетии, на протяжении всего 24 лет, властители Америки вопреки воле своего народа и по причине мнимой угрозы демократии и миру во всем мире чувствовали себя призванными осуществить «крестовый поход» в Европу. Дважды они со своими неистощимыми материальными ресурсами, отрицая идеалы своих отцов-основателей, выступали на стороне государств, которые в жестоких колониальных войнах разделили между собой мир – против страны, которая после Первой мировой войны не располагала никакими владениями за пределами своих собственных этнических границ, и от которой они видели только добро.

В полной лишений и связанной с большими потерями борьбе немцы когда-то способствовали тому, что молодая Америка добилась независимости от английской короны. Последующее развитие этой страны от примитивных истоков до ведущей мировой державы в промышленности и торговле невообразимо без усердия, способностей и высоких нравственных добродетелей немецких иммигрантов.

Но немцы как самая большая по численности этническая группа США были ведущей силой не только в материальном подъеме Америки. Немцы задавали тон в образовании и науке, и если и можно говорить об американской культуре и американской духовной жизни, то именно ее обогащение немцами с их естественным жизнелюбивым нравом, прежде всего, однако, с их уникальным воздействием музыкальной жизни, помогло преодолеть безрадостное и скучное англосаксонское пуританство во благо американской нации.

Приведенные ниже рассуждения, основывающиеся на сообщениях выдающихся эмигрантов, должны показать масштаб немецких достижений в Америке – и одновременно продемонстрировать ту измену, которую совершила властолюбивая финансовая и политическая клика по отношению к самым честным, самым лояльным и самым приличным из своих граждан и по отношению к их исторической родине.

Часть 2: Новый Свет в процессе становления

Началось все это уже с присвоения имени. Общепринято удостаивать этой чести мореплавателя Америго Веспуччи, хотя его описания путешествий касаются только Южной Америки, а Северной Америки он никогда не видел. Именно немецкий географ по имени Вальдземюллер издал в 1507 году первую карту

«Нового Света» под названием АМЕРИКА. Позднее со временем люди привыкли понимать под этим словом лишь Северную Америку и, наконец, стали называть в обиходе «Америкой» только лишь США.

Но в самом открытии Америки немцы, во всяком случае, не участвовали – или, все же, и это не так? Если даже не говорить о том, что северные германцы на своих кораблях-драккарах приплыли в Гренландию задолго до Колумба, поселились там, отправились дальше в Ньюфаундленд и как первые европейцы вступили на землю Нового Света, то все равно знаменитому португальцу никогда не удалось бы его авантюрное путешествие через Атлантику, если бы он не получил от одного нюрнбержца карты и записи, измерительные приборы и добрые советы.

Первые немцы прибывают в Новый Свет приблизительно одновременно с англичанами – но, в отличие от тех, не как колонизаторы! Они независимо друг от друга участвуют в исследовании и освоении новых земель. В 1614 году Хендрик Кристиансен из Клеве разведывает Гудсон, а в нидерландском Новом Амстердаме появляются немцы из средненемецкого и южнонемецкого пространства. В 1626 году Петер Менуит из Везеля выторговывает у индейцев за 60 голландских гульденов окруженный Гудзоном и Ист-Ривер Манхэттэн, из которого позже разрастется гигантская метрополия Нью-Йорк – одно из самых замечательных капиталовложений в мировой истории.

Немцы, как и голландцы, которые когда-то тоже принадлежали к Германской империи, обозначаются англосаксонскими иммигрантами обычно как «Dutch». Капитан Джон Смит из Джеймстауна в Вирджинии, старейшей английской колонии в Северной Америке, требует в 1629 году от Лондона, чтобы ему прислали еще больше этих «damn Dutch», так как они являются превосходными колонистами, что доказала ему группа стеклодувов из Богемии. Как сегодня банды, перевозящие нелегальных иммигрантов, зарабатывают свои деньги на потоке «беженцев», так и уже тогда в Европе действовали хорошо зарабатывающие агентства по вербовке людей, часто с помощью таких же лживых трюков пытающиеся убедить недовольных граждан эмигрировать в «Землю обетованную Америку».

Виноградари из окрестностей Гейдельберга в 1653 году селятся в «Новых Нидерландах». В 1669 году Йоханн Ледерер из Гамбурга переселяется в южную часть Аллегени. Швейцарские протестанты-баптисты (Taufgesinnte) следуют за ним. В 1676 году Николаус де Майер, тоже из Гамбурга, становится бургомистром Нью-Йорка. В 1684 году кальвинистско-раннехристианская секта лаба-

дистов, возглавляемая теологом Петером Шлютером из Везеля основывает поселение на реке Богемия в Мэриленде, которое привлекает к себе и последующих немецких иммигрантов.

Если попытаться узнать мотивы, которые толкали немцев к тому, чтобы покинуть свою родину и искать внешне заманчивое, но также и опасное и неизвестное будущее, то можно натолкнуться на самые различные причины. Лишь в самых редких случаях речь идет о жажде приключений. Чаще всего это были религиозная нетерпимость на родине, бюрократические издевательства, высокие банковские проценты и большие налоги, иногда тяжелая экономическая нужда и отчаяние. Наряду с этим принудительная военная служба или военные контрибуции дают толчок к решению, которое немногочисленным людям должно было подарить большую удачу, но многих, тем не менее, бросает из огня в полымя, и для многих означает потерю здоровья и даже жизни.

Немецкая эмиграция в Америку будет еще усилена написанным в 1702 году профессором Даниэлем Фалькнером «Руководством для желающих эмигрировать», которое радикально осуждает «нынешнюю Германию» и, вместе с другими похожими произведениями, вызывает настоящее великое переселение народов через Атлантику. Для охочих переехать в Америку не стесняются самых диких обещаний: «Дикие голуби летают здесь настолько низко, что их можно убить палкой, дикие индюки большие и жирные, некоторые до 46 фунтов весом. Индейцы часто приносят шесть, семь косуль за один раз...» Неудивительно, что люди, знавшие только голод и нужду, поддаются на такие обещания агентов – ловцов людей.

Эмиграция в Землю обетованную Америку нанесла самый сильный демографический удар по немецкому юго-западу, тогда как Пруссия и Австрия в то время благоразумно запретили эмиграцию. Преимущественно крестьяне-протестанты стремятся принять участие в «священном эксперименте, образцовой стране религиозной и личной свободы» Уильяма Пенна, принося с собой практически лишь свою веру в Бога и желание работать.

Англичане в их новых колониях заинтересованы в усиленном переселении немцев не только как в противовесе против французской Канады, за что они обещают даже «бесплатный» переезд через океан, но также в использовании немецких новоприбывших в «охране границы от индейцев». Так 30 000 жителей Пфальца появляются в Англии для переправы за океан, и эти люди настолько бедны, что англичане встречают их издевательствами и насмешкой.

При путешествиях, длящихся от шести до восьми недель, условия на тогдашних медлительных и ненадежных парусных судах были даже хуже, чем в лагерях эмигрантов. «Более 17 000 желающих эмигрировать жителей Пфальца (в 1710 году) умерли в Англии или в море», сообщает канадский немец Бернд Г. Лэнгин в своей очень поучительной книжке «Из немцев стали американцы». Переехавший в 1750 году в колонию учитель Готтлиб Миттельбергер пишет о своем путешествии: «Во время поездки морем на кораблях возникает жалкое бедствие, смрад, испарения, ужас, рвота, горячка, дизентерия, головная боль, жара, запоры, опухоли, цинга, рак...» Не следует забывать скудную, почти несъедобную пищу, а еще и издевательства со стороны экипажа на переполненных кораблях! О доставленном на побережье Америки «грузе» Фридрих Капп пишет: «Если бы в океане были надгробные камни и кресты, то маршруты перевозивших эмигрантов судов уже давно стали бы переполненным кладбищем».

Ошибочным является предположение, будто эта ожидающая столь многих эмигрантов нужда была ограничена только первыми волнами иммиграции. Еще в конце девятнадцатого века участь «white slaves», белых рабов, ожидала некоторых иммигрантов. По словам Иоахима Фернау, «дети в большинстве случаев оказываются на ткацких фабриках, после того, как их жестоко разделили с их родителями... У нас есть волнующие фотографии, изображающие десятилетних детей в машинных залах. Два миллиона детей работали в промышленности».

Трудовая повинность неимущих иммигрантов, которые не смогли оплатить свое путешествие сами, становится чем-то вроде крепостничества в рассрочку. При прибытии в Филадельфию бедных иммигрантов даже не отпускают с корабля, пока какой-то покупатель не выкупит их. «Многие родители должны даже продавать своих детей как скот».

С 1710 года немецкие и швейцарские меннониты, а также пфальцские гугеноты поселяются в графстве Ланкастер в Пенсильвании. Позже за ними следуют появившиеся после раскола швейцарских и юго-западно-немецких баптистов амиши. Графство Ланкастер благодаря этим консервативным протестантам, которые хоть и отвергают все современные машины и приспособления, но считаются очень умелыми и честными крестьянами, в своих черных костюмах и со старыми дрожками, запряженными лошадьми, вплоть до сегодняшнего дня являются одной из особенных туристических достопримечательностей США.

(Отечественному кинозрителю амиши знакомы, прежде всего, благодаря американской кинокомедии «И в бедности, и в богатстве». – прим. перев.)

Также в культурном и языковом отношении эти «Pennsylvania Dutch» дольше всего остаются островком немецкой самобытности посреди окружающего их американского плавильного тигля.

В 1734 году наряду с силезцами и саксонцами в Америку прибывают зальцбургские протестанты, которые были изгнаны со своей родины как «еретики и мятежники». Зальцбургцы едут на американский юг в Джорджию в «чистую дикую местность» у Саванны. Как уже раньше из Джермантауна к западу от сегодняшнего Вашингтона, резкий протест против рабовладения исходит также отсюда от священника Больциуса. Итак, именно немцы больше всего и раньше всех поднимают свой голос – что не всегда идет им на пользу – против содержания черных рабов на больших плантациях Юга. Причина эмиграции этих людей – снова угнетение со стороны их светских или духовных властей, что заставляет экономиста Фридриха Листа сказать: «Наши правительства виновны, они должны уйти прочь!» О немецких князьях он говорит: «Германия – это камера с арестантами, которые могут ходить на свободе лишь так долго, насколько это удовлетворяет произвол правительства!»

Если немцы переезжают в Новый Свет в сплоченных группах, то такими группами немецких эмигрантов руководят и заботятся о них церкви и секты. Кроме того, они, по крайней мере, частично заменяют отсутствующую из-за немецкого партикуляризма политическую поддержку и способствуют сохранению немецкого языка, обычаев и культуры. С другой стороны, как раз эти различные секты не дают образоваться единству в среде немецкой этнической группы в противоположность церквям англосаксов, которые содействуют патриотично-британской позиции в англосаксонской среде!

Их обусловленная этим недостаточным единством слабость делает немцев в местностях, где доминируют англосаксы, как, например, немецких католиков в Делавэре, уязвимыми по отношению к злобным нападкам. Других отвергают, так как они считаются пацифистами и равнодушными к политике. Прославившийся как изобретатель и государственный деятель Бенджамин Франклин пренебрежительно говорит о «пфальцских деревенских болванах» и считает их дерзкими, если они не позволяют «нам англизировать» себя. Развившийся в немецких землях менталитет «простодушного Михеля» приводит к тому, что немцы слишком легко уступают англосаксам, оказываясь в невыгодном положении. И немецкие священнослужители и проповедники, настоящие руководители немецких эмигрантов, являются «политически нейтральными»; они, как правило, некритически или беспомощно противостоят англосаксонскому преобладанию.

Упомянутому выше отрицательному замечанию Франклина противоречит высказывание губернатора тогда еще французской Луизианы о немецких эмигрантах с Верхнего Рейна, которые, после того, как самая большая часть этой группы умерла во время морского путешествия, на правом берегу Миссисипи создали из зараженной лихорадкой болотистой местности «немецкое побережье»: «То, что мы здесь называем немецким побережьем, это самая усердная, больше всего размножающаяся, самая честная часть нашего населения». И так, немецкому усердию и немецкой честности отдавали должное, но немецкие иммигранты не стремились к политическому влиянию, но даже если бы они к нему и стремились, то им не предоставили бы его так просто. Существенная причина этого состоит также в том, что среди немцев преобладали «маленькие люди», крестьяне и рабочие, наряду со случайными «революционерами», в то время как у англичан было много богатых крупных землевладельцев и так же влиятельных священнослужителей из дворянских или других видных кругов.

В 1733 году Йоханн Петер Рокфеллер (также известный как Роггенфельдер) прибывает из Рейн-Пфальца в Америку.

В 1740 предок президента США Герберта Гувера, Андреас Хубер, поселяется в немецком поселении Фредериксбург, Мэриленд.

И в ноябре 1741 года лесоруб по имени Ганс Николаус Айзенхауэр появляется в Пенсильвании, предок Дуайт Д. Эйзенхауэра, того самого, кто во время Второй мировой войны как главнокомандующий вооруженными силами союзников из политического честолюбия выместил свою ненависть на своих соплеменниках. Тем временем император Австрии Иосиф II под угрозой смертной казни запрещает вербовщикам их деятельность.

Часть 3: Немецкая этническая группа во время революции

Уже перед борьбой за независимость молодых колоний немцы были впутаны в англо-французские морские войны и колониальные войны. Почти весь королевский американский полк, использовавшийся преимущественно против индейцев, состоит из немцев из Пенсильвании и Мэриленда. В революционной войне 1775-1783 годов немцы снова принимают существенное участие в борьбе между английскими колонизаторами и американскими революционерами.

Николаус Херхгаймер (Херкимер), родители которого были родом из Гейдельберга, станет «героем долины Мохаук», где он после больших кровопролитных боев добивается решающей победы для генерала Вашингтона. Получивший

звание бригадного генерала Херхгаймер был смертельно ранен в битве у Орискани-Крик, поворотном пункте этой войны.

В декабре 1777 года на французском парусном судне «La Flamande» в Америку прибыл человек, которому предстояло сыграть важнейшую роль в судьбе Америки: прусский офицер Фридрих Вильгельм фон Штойбен! «Он перенес свой прусский опыт генерального штаба на американскую революционную армию для тактического и оперативного ведения войны против английских войск», написано о нем в энциклопедическом словаре. «Американцы своей победой в значительной степени обязаны ему».

Президент молодого американского Конгресса Лорен Моррис приветствует Штойбена в момент его прибытия: «Мы приветствуем в вас, барон, отличного офицера, который не просто долго служил победоносному прусскому королю, но и был его доверенным лицом. Если вы будете служить Штатам, Союзу – законодателей и правительство которого вы видите в нас – так же верно, как вашему монарху, то вы увидите, что республика будет вам благодарна не меньше, чем монарх!»

Штойбен заявляет о своей готовности «служить народу, который ведет такую благородную борьбу за свои права и свои свободы». В лагере Вэлли-Фордж он начинает с того, что обучает основным понятиям современной тактики пеструю и недисциплинированную толпу мятежников Вашингтона. Его муштра и нагоняи во время этой деятельности показаны в нескольких фильмах. Прикомандированный к нему переводчик должен был переводить его ругань на английский язык. Штойбен быстро понимает, что он должен вести себя с этой «отсталой деревенщиной» иначе, чем с европейскими солдатами, которые тогда еще были привычны выполнять команды без вопросов. Здесь ему приходится объяснять своим солдатам, почему его строевая подготовка и его полевые учения должны делаться именно так, а не иначе. Штойбен за время своей службы напишет строевой устав и дисциплинарный устав, так называемую «Синюю книгу» («Blue Book»), которой американская армия пользовалась еще много десятилетий спустя.

Благодаря привитой его войскам прусской дисциплине, соединенной с опробованными в боях с индейцами в лесу приемами боя, Штойбену удается принудить англичан к капитуляции в битве при Йорктауне. Генерал Вашингтон однажды так сказал о нем: «Барон должен стать нашим первым кавалером ордена [нового ордена, основанного Лафайетом]. Однако наши дети и внуки когда-то вспом-

нят, как мы поклялись себе в непреложной верности в самое безнадежное время войны в этих пустошах!»

Многочисленные названия населенных пунктов еще напоминают о прусской помощи в Войне за независимость. До изменений, произошедших во время Первой мировой войны, только имя «Берлин» носили 82 американских города. Настоящая благодарность Америки, которая столь многим обязана Штойбену, выглядит позже на практике несколько иной, чем красивые слова. Несколько городов США названы его именем, но выделенные ему земли в Пенсильвании и Вирджинии оказались для него бесполезны, ибо он так и не получил средства, с которыми он смог бы использовать эти земли.

В момент увольнения Штойбена с государственной службы он ходатайствует о выплате ему 40 000 долларов возмещения. Конгресс принимает заявление Штойбена об отставке, однако, обещает ему только задаток в размере 10 000 долларов и почетную шпагу. Но также и эту сумму ему выплачивают «в расщелчку» в форме чеков, уменьшающаяся стоимость которых, в свою очередь, сокращает эту выплату на одну треть! Штойбену не остается ничего другого, кроме как подарить выделенную ему землю ветеранам войны. «Вследствие этого сотни ваших боевых товарищей с их семьями спасутся от нужды, а далекая и дикая местность откроется культуре», советует ему Вашингтон.

Так начинается самый печальный период жизни Штойбена. Помимо экономической нужды, ему даже приходится защищаться от оскорблений: «Я оставил все, чтобы служить делу государства, и за это государство оставляет меня в беде!» Только после выбора первым президентом Союза Джорджа Вашингтона, которому Штойбен помог сделать из эксплуатируемых Англией колоний свободную страну, Конгресс, наконец, под давлением Вашингтона предоставляет Штойбену твердое, пусть даже скромное ежегодное содержание.

Другим способным генералом немецкого происхождения является крестьянский сын Йоханн Кальб, который командовал американскими войсками из Делавэра и Мэриленда и, помимо этого, сыграл еще важную роль в привлечении французского двора на сторону молодого союза. Кальб погиб геройской смертью в Южной Каролине.

Также немецкая женщина по имени Мария Хайс, урожденная Людвиг, прозванная американцами Молли Питчер, стала знаменитостью, даже национальным символом. После ранения своего мужа она «с быстротой молнии» включается в бой, после чего стали говорить: «Одна женщина сделала это, выиграла битву у Монмута».

Эта война между Англией и ее восставшими колониями стала – истинно немецкий рок – братоубийственной войной между теми немцами, которые сражаются на стороне Вашингтона, и теми, кто как вспомогательные войска за сребреники Иуды были проданы Англии жадными до денег немецкими князьями. Так примерно 30 000 немецких наемников в результате этой грязной торговли были проданы их князьями, преимущественно из Гессена, на английскую службу. За каждого солдата князь получал 200 фунтов. Принц Гессен-Касселя писал своему командующему: «Английский двор платит мне за моих наемников, если они только ранены, не так много, как за погибших. Я не хочу еще раз услышать, что мои brave гессенцы погибают в таком незначительном количестве!»

Вполне понятно, что там, где немцы сталкиваются как «враги», нередко доходит до братания, что полностью идет на пользу колоний. После этого слово «гессенцы» незаслуженно становится как у англичан, так и у американцев синонимом трусости и дезертирства. Но ведь именно такие немцы как Штойбен, Кальб и Мюленберг, видные военные умы, способствовали победе Америки в этой многолетней кровавой освободительной борьбе! Лучшие полки американских борцов за свободу формировались из немецких фермеров. И немецкий пастор из Пенсильвании был первым, кто проповедовал борьбу за независимость против Англии.

Сначала резиденцией и местожительством Джорджа Вашингтона стал Джермантаун, который в 1783 году был выбран 439 подписавшими меморандум на роль столицы Соединенных Штатов. Уже упомянутый Фридрих Август Мюленберг был членом четырех американских конгрессов и два раза был спикером Палаты представителей. Михаэль Хиллегас из Гейдельберга стал первым министром финансов и учредителем «Bank of North America». Немецкий язык был языком судопроизводства в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси. Немецкие школы в Пенсильвании еще до 1837 года с немецким языком обучения были приравнены к английским. Доллар стал денежной единицей новой федерации, и получил свое название от немецкого талера, который пенсильванские немцы произносят как «далер».

Йоханн Якоб Астор иммигрирует после окончания войны из Вальдорфа под Гейдельбергом. В 1810 он накопил свой первый миллион за счет меховой торговли и торговли земельными участками, став самым богатым американцем своего времени. Он поддерживает немецких иммигрантов и, согласно энциклопедическому словарю «Brockhaus», является «основателем города Астория, Публичной библиотеки Астора в Нью-Йорке, Дома Астора (дома престарелых и приюта для сирот) в Вальдорфе».

До основания Германской империи в 1871 году немецкий иммигрант был лишен какой-либо национальной поддержки. Ввиду жалкой немецкой раздробленности едва ли стоило ожидать от иммигрантов немецкого национального самосознания. Они сохранили лишь сентиментальное почитание родины, в большинстве случаев смешанное с церковными связями. Опека со стороны князей, вплоть до открытого подавления, существенно способствовала незначительной уверенности иммигрантов в себе. По словам Генриха Гейне, недовольный немец предпочитал бросить свою страну и поехать в Америку, в то время как француз предпочитал начать революцию!

Немецкий иммигрант был «политически несовершеннолетним». Он чувствовал себя не как немец, а как пруссак, житель Пфальца, саксонец, как меннонит, амиш, геррнгутер и т.д. Полная противоположность с поселениями закрытых немецких этнических групп, как у немцев, когда-то при принце Евгении Савойском поселившихся на Балканах, или как у приехавших по приглашению Екатерины II в Россию «немцев Поволжья»!

*Памятник немецким иммигрантам,
установленный в Джермантауне в 1920 году.*

Часть 4: Движение на Запад

К немцам, которые внесли значительный вклад в освоение расположенных западнее территорий, принадлежат шваб Якоб Бём и швейцарец Кнюзели. В промышленном развитии Запада участвует эльзасец Мартин Баум, который строит первое чугунолитейное производство, первый сахарорафинадный завод и в Цинциннати первую зерновую мельницу с приводом от паровой машины.

Пенсильвания – единственный штат, где сохраняются более или менее закрытые заселенные немцами районы. Напротив, дальше на запад немцы рассеиваются больше чем другие этнические группы на просторах только что приобретенной земли. От Готфрида Дудена исходит такая оценка: «Если бы когда-то в Америке был основан какой-то маленький город с целью служить американским немцам в качестве центра их культуры, то уже скоро можно было бы увидеть, как возникает омоложенная Германия, и тогда у немцев было бы в Америке такое же второе отечество, как у британцев». Но именно англичане располагают деньгами и опытом в мировой политике. Их джентльмены-авантюристы («gentlemen adventurers»), часто происходившие из зажиточных семей, намного превосходят в большинстве случаев бедных иммигрантов из немецких земель не только в необходимой уверенности в себе, но и в своем бесцеремонном стремлении к прибыли. «Эгоизм – это основная черта здорового народа», цитирует Вальтер фон Моло в своем романе о Фридрихе Листе одного английского издателя, «этические теории же существуют только для бессильных наций!»

В своей «Истории немцев в Америке» (1847) Франц Лёэр сетует: «Германия ничего не делала для своих эмигрантов. Эту вину более поздняя историография внесет в свои книги как нравственное преступление народа. Она будет весить еще больше, если ход всемирной истории не исправит политическую ошибку, которая была совершена вследствие этого. Ведь если немецкие эмигранты как раз и растворятся в чужих народах, то Германия понесла огромную потерю». Насколько же он оказался прав, если вспомнить об участии миллионов немцев на стороне врага Германии во время двух мировых войн!

Летом 1843 года еженедельно в Америку прибывает около тысячи немецких иммигрантов. Принятая в 1858 в Союз в качестве штата Миннесота с самого начала обладает большинством немецких иммигрантов. Но Висконсин, включенный в Союз в 1848 году штат, считается «самым немецким штатом Союза». Благодаря учреждению резиденции епископа в Милуоки Висконсин также становится особенно привлекательным для католиков. С его пивоварнями, пивными с садом,

театральными труппами, спортивными союзами и певческими кружками Милуоки считается самым типичным немецким городом Америки.

Сыгравшее решающую роль в завоевании Запада новое огнестрельное оружие («делатель вдов») происходит из немецких цехов графства Ланкастер. Оружейники «фронтира» – немцы. Знаменитый фургон переселенцев, «шхуна прерий Конестоги», со своими красными колесами и белым тентом, произошел от немецкой крестьянской повозки.

В отличие, прежде всего, от англосаксов, которые в своем стремлении на Запад гнались за все новыми приключениями и богатствами, немец склонялся к тому, чтобы поселиться на земельном участке, который он затем своим потом делал плодородным. Немцы менее всего участвовали в проводившемся американским правительством вытеснении индейцев, вплоть до их полного искоренения.

В 1820 году первые немцы прибыли в Техас. В этом самом большом штате США в 1990 году насчитывался примерно один миллион американцев немецкого происхождения. С 1839 года основанное в Нью-Йорке «Общество Germania» пытается основать в Техасе центр с объединенной церковью, Немецким союзом и немецким университетом. Дворянин, ставший известным под именем Джон О. Мойзебах, основывает в графстве Гиллеспи город Фредериксбург (Фредериксберг), который позже станет «жемчужиной Техаса». Город Сан-Антонио в 1840 году еще на 100% мексиканский, но спустя десять лет он уже наполовину немецкий. Даже сегодня около 150 улиц в нем носят немецкие названия.

После основания Германского Союза в 1815 году происходит дальнейшая либерализация эмиграции. Германия постепенно покрывается тесной сетью из прибыльных агентств, занимающихся эмиграцией. Одно из самых известных – это Гамбургское агентство семьи Баллин, из которого происходит Альберт Баллин, учредитель Северогерманского Ллойда и советник императора Вильгельма II. В реакционную эпоху перед мартовской революцией 1848 года примерно 20 000 иммигрантов в 1816-1817 годах достигают американского берега. После Хамбахского праздника в 1832 году (политическая демонстрация в деревне Хамбах) и Франкфуртского путча в 1833 году около семи миллионов немцев волнами покидают свою родину, в год апогея 1882 их уезжает 250 000! Среди эмигрантов все еще очень много религиозных сепаратистов, например, гармонитов, колонии которых в Пенсильвании станут широко известными образцовыми поселениями.

При поддержке христианских церковных руководителей и глав сект среди немцев усиливается позиция, что, мол, неблагодарно «быть кем-то иным, неже-

ли американцем, в этой гостеприимной стране»! Другие этнические группы: итальянцы, поляки, украинцы в этом вопросе менее деликатны – они без сомнений стараются сохранить свою национальную особенность.

Между тем подавление Меттернихом стремлений к свободе приводит к тому, что к преимущественно экономическим беглецам присоединяются также политические эмигранты.

По словам романиста Карла Постля, который прославился как Чарльз Силсфилд, «немцы – это бастион свободы... где они поселяются, там жизнь принимает смеющийся вид». Но Генрих Гейне, который, пожалуй, имел в виду другой тип эмигрантов, предостерегает от «богом проклятой страны, в которой грубо властвует самый отвратительный из всех тиранов, чернь». И поэт Николаус Ленау вздыхает: «Эти американцы – это торгошники, мелкие душонки. Мертвые для любой духовной жизни, совершенно мертвые», после чего он, исцеленный от множества иллюзий, поворачивается к Новому Свету спиной.

Фридрих Капп, с 1850 года главный редактор немецкоязычной «Нью-Йоркской вечерней газеты», выражается подобным же образом: «Соединенные Штаты – это страна для маленького, ничего не знающего крестьянина, который не знает никакого другого идеала, кроме как ежедневно жрать сало, и для бизнесмена, который хочет разбогатеть в любых условиях».

Знаменитый эмигрант немец Фоллен «как хороший американец, хороший немец и хороший христианин» непрерывно борется за освобождение негров. Так как немцы по моральным причинам отказываются от рабовладения, возделывание ими болотистых земель в Миссури требует от них многочисленных человеческих жертв. В этом штате немец Мюнх как сенатор с его отрядом из 8000 вооруженных горожан города Сент-Луиса играет важную роль в Гражданской войне, сражаясь на стороне северян.

Одним из самых значительных немецких иммигрантов стал профессор экономики Фридрих Лист из Ройтлингена. Как «мятежник» он был под лживым предлогом заключен в крепость Хоэнасперг и выпущен оттуда только в обмен на его обещание эмигрировать. После своего прибытия в Америку Лист, как очень многие, сначала стал фермером, затем редактором беспристрастной немецкоязычной газеты «Орел» («Adler») в городе Ридингер. В Пенсильвании ему удалось найти богатое месторождение угля, который можно было добывать открытым способом. Он основывает компанию железных дорог и каналов для добычи и перевозки угля, и благодаря этому, а также своим публичным выступлениям в пользу своего друга, кандидата в президенты Джексона, становится успешным

и уважаемым человеком. Но Лист никак не может позабыть о своей родине, вопреки всей горечи, унижениям и преследованиям. С полученными в Новом Свете знаниями и практическим опытом он возвращается в Германию, не забыв прежде дать американцам ценные советы, исходящие из его гениального видения экономики:

«Вы должны облагать пошлинами импорт английских товаров, стать независимыми от заграницы! Вы выбросили Англию спереди, но она снова прокралась к вам сзади». И дальше: «Английская теория состоит в том, что каждый человек, который не верит в то, что вечный мир господствует среди всех наций, идиот. Почему же тогда Англия в течение последних лет дважды вела войну с Америкой и более двадцати лет с Францией? Когда Англия говорит о мире во всем мире, она имеет в виду, что никто в мире не может подняться против Англии... Очень хитро со стороны Англии, что она говорит о человечестве и вечного мира и думает только о своих собственных преимуществах. Разум, тем не менее, требует оценивать мотивы государства не по тем предлогам, которые оно изобретает, чтобы скрыть свои намерения».

«Орел» становится настолько успешным, что его читают все авторитетные американцы, и Эндрю Джексон, самый уважаемый государственный деятель Америки, публично поздравляет Листа. Его слова благодарности: «Господин профессор Лист подтвердил нам, что страна может быть здоровой только в том случае, если земледелие и промышленность, две основных предрасположенности человека, находятся во взаимодействии равновесия... Потому мы принимаем решение издать (в дальнейшем) статьи господина Листа в сборнике и распределить этот сборник по библиотекам нашей страны».

Сам Лист как патриот всей Германии хорошо понимает, что массовая эмиграция в Америку – это «изнуряющая жизненную силу организма раковая язва. Какому огромному потоку силы Германия позволяет течь за океан!»

С такими обладающими качествами вождя людьми, как Лист, Мюнх или Фоллен, которые выступают за сохранение немецкого языка и культуры, должно было бы, собственно, быть возможно создать национальное сознание среди иммигрантов. Причиной того, что это не удалось, было преимущественно то, что те люди, которые добились чего-то в Новом Свете, в своем новом статусе отходили от понимания необходимости сохранения немецкого вида и немецкого обычая. Они еще любили определенные культурные узы, старались и дальше заботиться о так называемом немецком «уют», но с политической точки зрения эти уже «устроившиеся» люди слишком легко были готовы приспособливаться к поли-

тическому устройству, где уже доминировали и которое определяли англосаксы. Здесь уже не могло помочь никакое воззвание, вроде воззвания Немецкого союза в Миссури к губернатору Пенсильвании Ритнеру, немцу по происхождению, сделать его штат официально двуязычным, так как «все же, только немецкое усердие и немецкая порядочность обосновали благосостояние Пенсильвании и сделали эту дикую местность возделанной». Хотя в 1837 году принимается постановление, согласно которому законы в Пенсильвании должны печататься также на немецком языке. Но в местной немецкой прессе преобладает не политически-национальный, а духовный элемент. Отражая мелкотравчатое сектантство, дух малых государств немецкой родины, этот дух безнадежно толкает немцев в руки политически превосходящей машины янки.

Например, церковь Лютера, вместо того, чтобы держаться вместе в новой стране, распадается на все новые и новые ответвления, что и приводит к роковому самоуничтожению и, таким образом, к политическому бесправию немцев. Это стало одной из причин, почему пресс-секретарь Бисмарка Мориц Буш с едким сарказмом писал о «немецкой импотенции в Америке»!

В революционном 1848 году немцы США в своем «Послании к немецкому народу» единственный раз приходят к согласию: «Не австриец, не пруссак! Единая Германия! Если о чем-то говорит какой-то князь, то это остается пустым звуком, но если этого хочет народ, то это переходит в действие! Боже, благослови Германию!» Это звучит подобно боевому кличу жителей Средней Германии до падения Берлинской стены: Мы – народ!

Часть 5: Участники революции 1848 года

В сентябре 1852 года сын учителя Карл Шурц со своей молодой женой прибывает в гавань Нью-Йорка. На родине он как член либерального студенческого союза принимал участие в Баденском восстании. Из Филадельфии он сначала как фермер переезжает в Висконсин. Уже здесь он становится известен благодаря своим превосходным в отношении языка и выразительности речам, так что даже Линкольн должен был бы ревниво относиться к этому немцу. Позднее Шурца прославляли как «самого великого иммигранта, которого когда-либо предоставила Германия», или как «подарок Германии Америке».

Как немец, который, как и большинство его земляков, выступает за освобождение рабов, Шурц присоединяется к республиканцам. Линкольн приветствует его лестными словами: «В рамках нашего короткого знакомства я могу сказать вам, что ни один другой человек не близок так моему сердцу, как вы».

Линкольн официально борется за цели противников рабства. Малоизвестны, тем не менее, его слова, которые он произнес в 1858 году во время своих знаменитых дебатов со Стивеном А. Дугласом: «Я не выступаю за социальное и политическое равенство белой и черной расы... Я не выступаю за то, чтобы негры могли занимать официальные посты, чтобы они могли сочетаться браком с белыми... Я всегда придерживался мнения, что наивысшее место подобает белым».

Президент Линкольн, мачеха которого Сара Буш была немецкого происхождения, посылает Шурца как посланника в Мадрид. Во время Гражданской войны Шурц возглавляет дивизию армии Союза, состоящую преимущественно из немцев. После окончания войны Шурц становится сенатором от Миссури и в 1877 году министром внутренних дел при президенте Хейсе. Как журналист и политик он выступал за быстрое примирение с южными штатами. Наряду с этим он добивался, снова вопреки значительному сопротивлению, улучшения жизненных условий негров и индейцев.

Об этих его усилиях и усилиях по реформе чиновничества Иоахим Фернау иронично пишет: «После всего этого можно представить себе, как быстро Шурц сделал себя непопулярным... Его чистка в высоких учреждениях воспринималась как в высшей степени наглая. Шурц вводил проверки, просеивал кандидатов по критерию профессиональных знаний и безупречности, и неуступчиво добивался суда за каждый проступок. Особенно Нью-Йоркское таможенное управление оказалось осиным гнездом. Когда он его разворошил, вся республиканская партия порвала с ним.... Какие были великолепные времена при Гранте! Когда Вандербильт получал в подарок за каждый километр рельсового пути по десять метров земли справа и слева! Когда Филип Армор на своих поставках мяса в армию заработал один миллион долларов за три месяца, причем из бочек уже выползали личинки...»

Трагический внутренний конфликт этого немецкого иммигранта отражается в очень поэтичных знаменитых словах Шурца: «Я люблю Германию как свою мать, а Америку как свою невесту. Если нужно принять решение, то держатся за жену, но матери принадлежит любовь на протяжении всей жизни». Бисмарк признавался: «Как немец я горжусь Шурцем». Но как должны были бы, согласно вышеупомянутым словам Шурца, американские немцы вести себя в случае войны против их родины? Легкая ассимиляция и, в конечном счете, растворение в уже сформировавшемся англо-пуританском обществе принесло практически только один вред немецкому национальному духу. Задающими тон среди немцев были богобоязненные христиане. Но в практической жизни у них совершенно отсутствовала политическая способность настаивать на своем!

Другим активным борцом за освобождение рабов был уроженец Мангейма адвокат Фридрих Хекер, к заслугам которого, среди прочего, относится основание первого немецкого гимнастического союза в Цинциннати. В 1896 году Адольф Окс (его отец был родом из Фюрта) начинает выпуск газеты «New York Times». Генрих Энгельхард Штайнвег из Вольфсхагена основывает со своим сыном Генри в 1853 году на Манхэттене фирму «Steinway & Sons», концертные рояли которой скоро становятся известными во всем мире. Доктор Абрахам Якоби, который сбежал из тюрьмы в Миндене, открывает врачебную практику в Нью-Йорке, становится пионером педиатрии в США и благодаря своим публикациям приобретает всемирную известность.

Часовщик и оптик Генрих Гёбель, иммигрировавший из Шпринге на Дайстере, изобрел в 1854 году лампу накаливания с обугленным бамбуковым волокном в безвоздушной стеклянной колбе, за 25 лет до того, как Эдисон подхватил это изобретение. Генрих Густав Хильгард прославился как Генри Виллард при строительстве железной дороги «Northern Pacific Railroad». Он смог частично финансировать это строительство с помощью кредитов из Германии, за что сегодняшняя столица Северной Дакоты получает имя Бисмарк. Вместе с Эдисоном Виллард-Хильгард основывает «Edison General Electric». В дальнейшем он приобретает основную долю акций «Evening Post», одной из самых больших газет Нью-Йорк и назначает Карла Шурца ее главным редактором.

Иоахим Фернау в своей книге «Аллилуйя» не выражает большого восторга от методов работы Вилларда. Он описывает Вилларда как основное действующее лицо метода перевозки за океан дешевой рабочей силы с помощью европейских вербовочных агентств. «Они забирались в бедные кварталы, вплоть до Неаполя и Сицилии и вглубь России». Так, например, в задымленном округе Питтсбурга из 25 000 рабочих сталелитейной промышленности 15 000 были иммигрантами.

Между 1852 и 1854 годами в Америку прибыло примерно полмиллиона иммигрантов из немецкоязычного пространства. Эти мощные волны вызывают сильную затаенную вражду у «нативистов», которые боятся новых конкурентов на рынке рабочей силы. Иммигранты обычно лучше квалифицированы в профессиональном отношении, они доминируют в специальных профессиях и, в общем, обладают лучшей трудовой моралью, очень далекой от общепринятого в Америке менталитета: любыми средствами прийти к «быстрым деньгам».

За что местные пуритане особенно, тем не менее, обижаются на немцев, так это за их привычку использовать воскресенье не только для благочестивого чтения Библии, но и для отдыха от недельных трудов в своей манере с музыкой, тан-

цами и пивом. Сотни объединений нативистов, пуритане Восточного побережья, трезвенники или мессианские «темплеренцеры», где обычно очень сильно были представлены женщины, выступают в поход против этого «немецкого порока», который угрожает спасению душ нации. Президент Кеннеди однажды заявил, что нужно быть особенно благодарным влиянию немецких иммигрантов за то, «что наша ежедневная жизнь освободилась от строгого и ханжеского пуританского отпечатка». Томас Пейн, американский герой освободительного движения и первый министр иностранных дел США, писал в 1793 году в «Веке разума» о своих земляках: «Если бы при сотворении мира спросили совета у квакера, то каким немым и скучным стал бы мир! Ни один цветок не радовал бы нас своей красотой, ни одна птица не смогла бы петь!»

Оскорбляющие американскую чистоту нравов немцы подвергались атакам фанатичной черни, их забрасывали камнями, даже убивали. Немецкий театр в Новом Орлеане превратился в море огня. В Чикаго в 1855 году вспыхнула настоящая маленькая война, когда хотели закрыть немецкие воскресные кабачки. Тем не менее, этот экстремистский подход пуритан однажды приводит к противоположным последствиям. Попытки дискриминации немцев – действие порождает противодействие! – становится скорее стимулом для немецкой общности. К сожалению, этот шанс остался неиспользованным. Если бы тогда немцы основали собственную партию, то эта просыпающаяся уверенность в себе смогла бы стать долговечной!

По поводу столетия со дня рождения Шиллера в 1859 году по всей стране отмечаются великолепные праздники Шиллера. Фридрих Капп видит немцев в это время «в апогее их развития и духовного значения для США». Но когда в год юбилея Шиллера немца впервые выбирают шерифом Чикаго, англосаксы поднимают крик: «Насколько позорным будет», пишет «Times», «если случится так, что немец будет вешать американца!»

Часть 6: Немцы в Гражданской войне и иммиграция после 1870 года

В войне за отделение южных штатов 1861-1865 годов немецкая этническая группа была преимущественно на стороне северных штатов (одиннадцать южных штатов заявили о выходе из Союза). Около 200 000 немцев, примерно одна десятая часть всей армии Союза (северян), как солдаты принимают активное участие в борьбе, в том числе примерно 500 немецких офицеров, включая 9 генералов и несколько бригадных генералов. На стороне конфедератов (южан) борются более 10 000 немцев.

Как и в Войне за независимость немцы также в этой кровавой борьбе снова воюют против немцев. Преподаватель международного права на стороне Линкольна Франц Либер из трех своих сыновей, которые пошли на войну, теряет своего старшего сына, погибшего на стороне северян, а самого младшего – на стороне южан в армии генерала Ли в сражении при Геттисберге.

Карикатурист Томас Наст, автор, среди прочего, политических символических фигур обеих партий – «осла» и «слона», сопровождает войну как предшественник сегодняшних фотожурналистов. Традицию Наста продолжает уроженец Вены Йозеф Кепплер, который в 1876 году станет соучредителем иллюстрированного издания «Puck», юмористического журнала с самыми большими тиражами в США.

Также после войны в политике продолжает существовать немецкое разногласие. Снова характерно то, что немецкие церкви почти не сопротивляются англофикации. Также для немцев роковым оказалось то, что в Гражданской войне, потребовавшей в целом 600 000 жертв, погибло много ведущих немецких личностей. Таким образом, Немецкая Америка остается без способной элиты. Кроме как в школьных вопросах американские немцы никогда не выступают единым блоком, а остаются расколотыми в частных интересах. Духовные руководители во всем ставят свои особые принципы выше своей народности. Вместо того чтобы сформироваться в самостоятельный союз, немцы раздробляются в существующих партиях демократов и республиканцев.

(Подобное произошло и после Второй мировой войны с немцами, изгнанными с восточных земель Германии, переданных СССР и Польше. Давление приспособляемости, усиленное «перевоспитанием», проводимым союзниками и новым немецким правительством, а также преследование политических упрямцев было сравнимо с ситуацией в Америке. Изгнанные работали и строили, и при «мягкой дрессировке» больше не думали о политике. После пятидесяти лет «доверия» Боннскому правительству их судьба закончилась так же, как в Америке: проданные – преданные – забытые. – прим. автора.)

Это отсутствующее из-за недостатка политического инстинкта политическое честолюбие должно было привести к еще более опустошительным последствиям в более поздние времена. Хотя немцы во время мировых войн в большом числе сражаются за Америку против своей родины, у них нет – в противоположность полякам и чехам – во время диктата Версальского и Сен-Жерменского договоров никакого влияния на проведение границ, которого требуют союзники или их восточные сателлиты!

Даже одно только отсутствие собственной партии – уже важная причина для слабости немецкого духа в Америке. Не менее разрушительным оказывается недооценка значения собственного языка. Если другие меньшинства часто еще знают свой родной язык, передающийся из поколения в поколение, то немецкий иммигрант почти всегда готов как можно быстрее принять английский язык, а от своего собственного языка либо совсем отказаться, либо позволить ему деградировать до ужасного «Pidgin English». Владение английским языком, в общем, – это, как правило, существенная предпосылка для экономического успеха. Но отказ от собственного языка в семейном кругу и кругу друзей, напротив, является больше последствием лени и необдуманности, причем отягчающим обстоятельством является еще и то, что у недавно приехавших в Америку немецких рабочих и крестьян отсутствует крепкая поддержка со стороны наличествующего немецкого руководящего слоя. Так историк Капп печально констатирует: «То, что мы называем немецким элементом в Соединенных Штатах, это едва ли нечто большее, чем только сейчас живущее поколение иммигрантов, которое отмирает в самом себе».

Основание Германской империи князем Бисмарком после немецко-французской войны 1871 года стало новым апогеем для немцев в США. Блеск победы и опора на теперь могущественную единую империю приводят к мощным демонстрациям немецких гимнастов, певцов и стрелков. Наконец, с этой новой Германией за спиной у американских немцев просыпается также гордость за отчизну.

Этот новый дух находит свое выражение в торжественной речи Вильгельма Кауфманна в 1888 году в Цинциннати на открытии «Зала Германия». В этой речи прозвучало также несколько неловких ноток, которые слушающие янки восприняли не очень благосклонно: «Мы не можем оказать нашему отечеству лучшую услугу, чем также и здесь заботиться о тысячу раз проверенном пронизывающем весь мир культурном духе немецкого народа. Это гений немцев, свежий бурный источник немецкого идеализма, в сочетании с рабочей силой, выносливостью и смелостью, который делает немцев ведущим народом, который захватывает теперь весь мир». Хотя последние слова подразумевались отнюдь не буквально, но если англичанину или американцу такие планы, вероятно, и приходили в голову, то они, пожалуй, никогда не произнесли бы такие слова вслух!

После победы Пруссии над австрийцами при Кёниггреце в 1866 году усилилась иммиграция из Австро-Венгрии. До 1919 года 1 500 000 граждан двуединой монархии высадились на восточном побережье США, почти 140 000 из них приехало только в одном 1907 году. 300 000 российских немцев селятся на американском Среднем западе, немцы из Причерноморья в Дакотах, немцы Поволжья

в Небраске. Эти группы немцев приносят с собой, как правило, более сильное сознание своей немецкой самобытности, чем немцы из Германской империи. Таким образом, как раз российские немцы, которые сумели сохранить свой народный дух в жесткой борьбе с чужой окружающей средой, дали Америке и ее немцам, вероятно, больше, чем некоторые другие группы иммигрантов. Российские немцы, среди прочего, приносят в Америку также «кубанку», ту самую твердую пшеницу мира, которая лучше сопротивляется ржавчине и сухости, и которая делает прерии одной из самых больших житниц мира.

Гуттериты среди российских немцев умудряются также – как меннониты и амиши – с помощью отделения от окружающего общества, высоконравственного образа жизни и особенной формы своей веры, сохранить свою самостоятельность как чистая группа немецкой народности вплоть до сегодняшнего дня. Это единственные настоящие, из-за их честности и трудолюбия уважаемые и привлекающие большое число гостей островки немецкого языка в Северной Америке.

Часть 7: Немцы в Америке на рубеже столетий

Возникающее в Миссури поселение «Герман» должно было отдать дань уважения самой значительной исторической личности немецкой истории, Герману Херуску. Арминий или Герман, освободитель древней Германии, считается символом стремления к новой сильной Германии.

Центральной задачей среди американских немцев становится гимнастика, социальные функции которой, однако, в различных гимнастических союзах далеко выходят за рамки просто физкультуры. Гимнастические союзы долгое время вносят свой вклад пусть даже в шаткую сплоченность немецких иммигрантов, хотя общий единый союз, головная организация отсутствует. Другому объединению союзов, Немецкому национальному союзу принадлежат до начала Первой мировой войны примерно 10 000 союзов, в 45 штатах с общей численностью примерно 2,6 миллиона членов. Этот Союз по своей численности являлся самой большой этнической организацией Америки.

Духовный оплот жизни в Америке к концу девятнадцатого века – это Цинциннати благодаря его интеллектуальной элите. В 1890 году 57% из примерно 300 000 его жителей регистрируются как немцы. Сильный немецкий элемент присутствует также в городах Сент-Луис, Милуоки, а также в скачкообразно растущем Чикаго, который лондонская газета «Times» называет «немецким чудом Америки». В 1900 году доля немцев в экономике здесь составляет одну треть. В

окрестностях Чикаго можно найти более ста городков и поселков с немецкими названиями, такими как Страсбург, Вена, Баден и т.д. Менее известно, вероятно, что самый большой «немецкий» город – это, тем не менее, Нью-Йорк, где в то время жило больше немцев, чем в Мюнхене. В 1900 году немецкие островки есть практически во всех штатах Союза. Один опрос того времени вновь показал, что немецкий иммигрант по-прежнему принадлежит к самым возжеланным новым гражданам!

В Калифорнии до Первой мировой войны Сан-Франциско представляет собой духовный центр местных немцев. В 1901 году в парке Golden Gate Park установили копию памятника Шиллеру и Гёте перед Веймарским Национальным театром. К его открытию Чарльз Бундшу пишет: «Гордо и величественно стоит самый великолепный памятник Германии на побережье Тихого моря, как самое продуманное прославление германского духа, того духа, которому эта будущая американская нация так бесконечно многим обязана».

Еще в 1911 году американский Конгресс дарит немецкому императору и немецкому народу копию памятника Штойбену в Вашингтоне – «как символ неразрывной дружбы» между двумя народами! В 1913 году в Нью-Йорке происходит большой Вагнеровский праздник с участием более тысячи певцов. Незадолго до войны Германия для американца еще отождествляется с Гёте, Бетховеном, Моцартом и Бахом. Он едет учиться в Гёттинген или Гейдельберг, и «все юноши и девушки читали немецких поэтов и мыслителей».

Немецкий иммигрант принимает участие в формировании Нового Света во всех сферах жизни. «Он строит, трудится, ухаживает за лесом, сражается, делает открытия, собирает, проектирует, учит, сажает растения и лечит. Он делает немецкий язык символом целых специальностей. Он осваивает широкие просторы диких местностей, внедряет целые отрасли промышленности, основывает самые большие банкирские дома и универсальные магазины, играет огромную роль в академическом образовании и в медицине. В его рядах находятся такие гиганты деловой жизни, экономические лидеры и учредители династий как Студебекер, Вурлитцер, Хайнц, Стейнвей, Виллард, Гуггенхайм или Штраус, как Шпрекельс («сахарный король»), Вайерхойзер («король древесины») или Крайзер («скотный король» США)».

Бруклинский мост в Нью-Йорке, построенный Йоханном Августом Рёблингом и его сыном, может считаться культурным символом и символом немецкого духа, пересаженного в Новый Свет. Также Густав Линденталь и Оттомар Амман – важные пионеры мостостроения. Оттомар Мергенталер изобретает строкоотлив-

ную машину «Lynotype» (линотип), благодаря которой становится возможным малозатратный массовый набор газет и книг – чудо техники печатания. Чарльз Протеус Штайнметц на службе компании «General Electric» становится со своими изобретениями «современным Юпитером, метающим молнии». Сайрус Айдлиц строит здание газеты «New York Times», Генри Харденберг – старую гостиницу «Wadorf Astoria», Генри Кох – ратушу города Милуоки. Железный купол Капитолия в Вашингтоне – это проект Томаса У. Вальтера. Рудольф Диркс был автором первых американских комиксов («The Katzenjammer Kids» по образцу «Макса и Морица»), Чарльз Шульц сделал всемирно известными «Peanuts». Оскар Хаммерштайн I основал шесть оперных театров, Оскар Хаммерштайн II написал мюзиклы «The King and I», «South Pacific» и «Oklahoma».

Из всего этого можно сделать вывод, что немцы действовали главным образом в культуре и в творческой экономике, в то время как подчиненная финансовой олигархии политика и пресса (как сегодня почти все средства массовой информации) управлялись евреями и англосаксами.

За немцами признают талант «заставить какое-то дело работать», находить новые пути и решения проблем, умение быстро приспосабливаться к существующей ситуации. С другой стороны, это невольное восхищение часто сопровождается большой завистью. Хотя немцев особенно высоко ценят как крестьян и ремесленников, но в преимущественно англосаксонских частях страны их отвергают, часто даже подвергают открытым нападкам. Часто неуклюжая беспомощность, комплекс происходящего из крошечного княжества новичка, который как усердный Михель, никак не может выступать так же уверенно как англичанин, скорее усиливают его отвержение вместо того, чтобы смягчать его – англосаксу всегда импонировала только сила!

Уже упомянутый Франц Либер привлек поколения американских студентов к немецкой духовной жизни. Он издает также первую энциклопедию Нового Света. Внушительные картины Альберта Бирштадта из Золингена приводят к жизни «Дикий запад», а полотно Эмануэля Готтлиба Лойце «Переход Вашингтона через Делавэр» становится самой известной исторической картиной Америки.

Соединенные Штаты Америки и их 52 000 000 граждан немецкого происхождения. Источник: Перепись населения в 1980 году, указана численность этнических немцев в каждом штате. (US Department of Commerce, Bureau of the Census).

Но самое большое влияние немцы Америки приобретают в области музыки. Художественное понимание немецких музыкантов становится фундаментом для образования многочисленных хоров и оркестров. Это музыкальное творчество тоже вынуждено было преодолевать историческое, запрещающее даже музыку пуританство. Но позднее ежегодные праздники Баха в Пенсильвании стали музыкальным событием для всей нации.

В 1783 году в Филадельфии возник первый оркестр страны. Спустя одно столетие первостепенное влияние немецких композиторов на американскую музыкальную жизнь являлось неоспоримым. В 1890 году из 94 музыкантов Нью-Йоркского филармонического оркестра 89 были немцами. За год до этого Теодор Томас основал в Чикаго симфонический оркестр. В 1903 году Генрих Конрид из Билица возглавляет «Metropolitan Opera» в Нью-Йорке, в которую он приглашает в 1907 году Густава Малера.

Все эти великолепные культурные достижения смогли содействовать уверенности в себе немецкого американца лишь в течение короткого времени. Со вступлением Америки в мировую войну на стороне союзников уже очень скоро и со зловещей быстротой наступает резкое ухудшение, разрушающее буквально все. Вскоре даже самые блестящие имена, такие как Штойбен, Астор или Стейнвей, отождествляются уже только лишь с властью или богатством, но не с немецкими достижениями.

Часть 8: Первая мировая война и ее последствия

С началом войны в 1914 году в США происходят большие демонстрации и парады американцев немецкого происхождения. Почти без исключения примерно пятьсот немецкоязычных газет выступают за нейтралитет США. В нескольких городах организуются «немецко-американские литературные комиссии по обороне». Нью-Йоркский союз «Американских женщин немецкого происхождения» призывает к борьбе против травли немцев. Немцы организуют места сбора пожертвований для Германии, в которых «золото ради железа» жертвуется на благо родине.

Но, несмотря на свою численность, неорганизованная в политическом отношении немецкая этническая группа не может справиться с антинемецким ураганным огнем кампаний в прессе, контролируемой тузами экономики и финансовой олигархии. Немецкий император, слушавший своих плохих советников, невольно еще больше играет на руку подстрекателям, когда он, переоценивая свое влияние в США, заявляет: «Три миллиона американских немцев выбирают согласно моим желаниям».

Вудро Вильсон официально заявляет о нейтралитете Америки. «Да, неужели этот человек сошел с ума?» пишет Иоахим Фернау. «Нейтральная Америка, которая должна была остановить поставки союзникам, должна была бы оказаться на грани разорения! Вся страна уже производила для войны! Если президент не видел этого, то финансовая олигархия это видела!»

«Партия войны (могущественная группа политиков и финансовой олигархии) решила преподать урок президенту с помощью отчаянного средства. Также Первый лорд британского адмиралтейства, мистер Уинстон Черчилль, был извещен об этом... Британский пассажирский пароход «Лузитания» с тысячей пассажиров на борту, в том числе 128 американцами, был напигован пушками и вплоть до кают набит боеприпасами! И немецкой разведке 'передают' сообщение о перевозке на корабле оружия!»

Это было в 1915 году. 4 февраля немецкое министерство иностранных дел объявляет воды вокруг Англии районом военных действий, в газетных объявлениях посольство Германии предостерегает пассажиров «Лузитании». В районе военных действий близ британских берегов немецкая торпеда 7 мая попадает в набитые боеприпасами трюмы пассажирского парохода.

«Этот инцидент усиливает партию войны Теодора Рузвельта в США против партии мира Дженнингса Брайана, который уходит в отставку с поста министра иностранных дел», написано в «Политическом развитии событий XX столетия».

Лэнгин впечатляюще описывает невероятный упадок немецкой общности в Америке после вступления США в войну, так сказать, за одну ночь: «Немец из 'Джерри' через 'Краута' («капустника», прозвище немца, примерно, как наше слово «фриц»), превращается в кровожадного гунна... В 'стране свободы' начинается кампания уничтожения, старейшая демократия мира становится жертвой своей же ненависти... Пресса переполнена немецкими зверствами. Доносчики передают свыше трех миллионов доносов. Доходит до массовых увольнений немецких рабочих [стимул пойти на военную службу!? прим. изд.] памятники Гёте и Шиллеру снимают или накрывают. Постепенно запрещается преподавание на 'языке гуннов'. Хоралы времен Реформации должны быть переведены на английский язык, Моцарт и Вагнер изгнаны из концертных залов. Немецкий театр в Нью-Йорке должен закрыться... Немецких овчарок убивают, немецкие книги сжигают, немецкие фирмы поджигают... кислая капуста, традиционно немецкая Sauerkraut, меняет свою национальность и становится «liberty cabbage», франкфуртская сосиска превращается в «hot dog». Немецкое слово Kindergarten (детский сад) упраздняется».

Это безумие достигает своего апогея в общей молитве, которую произносит американский Конгресс «в фарисейском курении фимиама самим себе», чтобы, по словам Вильсона, «сделать мир надежным для демократии», и из которой, ради краткости, мы приведем только заключительную часть (полностью в серии k+k, тетрадь 2): «Мы просим тебя (о, Господи), обнажи свою могущественную руку и отбей серую банду этих голодных, волчьих гуннов, с клыков которых каплют кровь и слизь. Мы просим тебя, позволь звездам на их орбитах и ветрам и волнам бороться против них... И мы хвалим тебя всегда – через Христа Иисуса, аминь».

Немцы разрывались в своих чувствах, колебались то в ту, то в другую сторону. Хотя при каждой немецкой победе их сердце еще бьется быстрее, но их благо-

честивые «руководители» уже научили их тому, что их лояльность принадлежит теперь их новой стране.

«Чтобы сделать население США готовым к войне», пишет Ганс-Йоахим фон Леезен, «британцы создали специальное бюро пропаганды во главе с сэром Гилбертом Паркером, которое финансировалось британской разведкой... При этом сообщения об ужасах играли выдающуюся роль... поддержанные владельцем лондонских газет «Times» и «Daily Mail» лордом Нортклиффом. Якобы 75 000 ораторов в 5 000 американских городах должны были произносить антинемецкие пропагандистские речи перед более чем 300 миллионами человек».

Примерно десять миллионов американцев немецкого происхождения оказываются жертвой сконцентрированной кампании ненависти. Американские немцы капитулируют от страха и глухого отчаяния. «Вступление Америки в мировую войну произошло лишь за несколько часов», пишет Ричард О'Коннор. «За этот короткий срок общность американских немцев как политический фактор исчезла навсегда».

В своем стихотворении «Немецкий судьбоносный час» Вальтер Флекс выступает против этой разожженной бессовестной вражеской пропагандой во всем мире ненависти к немцам. Приведем из него здесь только три строфы:

Мы – ненависть земли,
Будь то мужчина, будь то женщина, будь то ребенок.
Но что бы из этого ни вышло,
Мы останемся теми, кто мы есть!

Гордость только может годиться нам
Как живительный напиток силы.
Глупец, кто глазеет на чужие глаза
И чужие пасти!

Мы стоим перед Богом сплоченно
И разделяем правоту и вину
И бросаем псам
Чужую ненависть и милость.

В испытанной немецкой приспособляемости (немец также тогда легковерно поддается направленной против него травле!) большинство американских немцев теперь конкурируют между собой, чтобы доказать свой американский патриотизм. Газеты, еще совсем недавно защищавшие немецкое дело, внезапно приобретают антинемецкую тональность. Даже Немецкий национальный союз

спустя уже короткое время высказывается: «Мы как американские граждане немецкой крови от всего сердца заявляем, что мы хотим стоять вместе против внутреннего и внешнего врага».

Немцы, как так часто в их истории, вновь массово проливают кровь в чужих интересах. Город «Герман» в Миссури приносит в сравнении с общей численностью его жителей самую большую кровавую жертву из всех американских городов. Баденские католики из Сент-Назианса производят «терпеливо, как это могут делать только немцы», более 300 000 запасных частей для американской авиапромышленности, как «знак их лояльности»!

Немцы становятся самыми успешными американскими летчиками-истребителями – как Эдвард Рикенбакэр, Фрэнк Люк и Йозеф (Джозеф) Венер. Джон Джозеф Першинг, правнук немецкого лютеранского проповедника Фридриха Пфёршина, стал главнокомандующим американского экспедиционного корпуса.

(Во время войны в газетных статьях, а в 1920-1930-х годах и в книгах, изданных преимущественно в Великобритании и США, публиковались многочисленные истории о якобы осуществленных немецкой разведкой (часто при содействии местных немцев) диверсиях и актах саботажа в США. Однако, как пишет немецкий автор Хельмут Рёвер в своей книге «Убивайте гуннов! Секретные службы, пропаганда и подрывная деятельность за кулисами Первой мировой войны», приписываемые немецким шпионам диверсии преимущественно были несчастными случаями, техногенными катастрофами, а те, где действительно был диверсионный след, были сделаны агентами британских спецслужб, в частности, военно-морской разведки, как раз с целью спровоцировать американцев на вступление в войну на стороне Антанты. В общем, как в Первой, так и во Второй мировой войне секретным службам Германии практически не удалось воспользоваться услугами американских немцев в своих интересах – последние были лояльны США куда больше, чем Германии. – прим. перев.)

Немецко-американский писатель Курт Воннегут рассказывает, что его родителям в результате антинемецкой травли стало так стыдно быть немцами, что они отказывались говорить с ним по-немецки, давать ему немецкие книги, немецкую музыку или даже собственную семейную хронику. Он должен был тогда в будущем чувствовать себя «в культурном отношении как чистый американец, но по критериям союза собаководов, как американец немецкого происхождения!»

Чтобы избежать злонамеренных нападков, бесчисленные американские немцы меняют свои фамилии. Braun теперь пишет свою фамилию как «Brown», Müller превращается в Miller, Schmidt – в Smith, Becker – в Baker. Принципиально исче-

зает удваивание буквы «n» как в фамилии Hollmann, и она неизбежно превращается в американизированный вариант «Hollman»! Таким образом, у большинства американских немцев больше нельзя узнать их происхождение по фамилии!

После конца войны немцы почти исчезли также как культурно самостоятельная группа. Уилбур Киган говорил на торжестве памяти Шурца в Чикаго: «Немецкая общность в Америке сорвалась с наивысшей высоты и упала так низко, что никто, как бы низко он ни стоял, не оказывает ей уважения. Отступать больше некуда, кроме как к рабскому подчинению. Мужчины, которые в иных случаях смело идут на заряженные пушки и храбро смотрят в лицо смерти, вздрагивают, когда в них узнают немцев».

В 1919 году основывается Общество Штойбена с желанием «основательно американизировать реликты прежней самостоятельной немецкой общности». Еще раз расцветает множество союзов, особенно в спортивной области. Также землячества и союзы народных костюмов стараются быть активными, вызывая все-таки большой интерес туристов. Все же, раздор, как будто бы осознанно подержанный, снова охватывает собственные ряды, когда католики выступают против протестантов или «преуспевающие» духовные и экономические слои дистанцируются от своего немецкого происхождения.

Даже если от немецкой традиции мало что смогло сохраниться, один продукт и в дальнейшем никак не мог полностью отрицать свое немецкое происхождение. Такие самые большие пивоварни как «Schlitz», «Papst» или «Anheuser-Busch» и дальше остаются ведущими в этой отрасли. Абсолютно немецкий город Милуоки хвалился своими 94 пивоварнями как «пивная метрополия мира». Также Цинциннати располагает гордой пивной традицией. В нем в 1840 году было уже 8, а в 1860 36 пивоварен. Пивовар по имени Аустерлиц, бывший унтер-офицер австро-венгерской армии, прославился не столько искусством пивоварения, сколько благодаря своему сыну Фреду, ставшему звездой Голливуда под именем Фред Астер.

Перед Второй мировой войной в США снова существовало более тысячи немецких союзов, в том числе «Американско-немецкий народный союз» во главе с уроженцем Мюнхена Фрицем Куном. Куна с ненавистью преследует определенная сторона, так как он открыто высказывается в пользу Третьего Рейха. Этот Союз в 1939 году насчитывает свыше 100 000 членов, включая значительное число украинцев, явно предпочитающих Германию системе товарища Сталина.

США также перед Второй мировой войной вновь становятся страной, принимающей политических эмигрантов. Примерно 105 000 человек эмигрируют из Германии и Австрии, около 75% из них евреи. Евреи уже с восемнадцатого века переселялись в Америку, где такие семейные династии как Селигман, Варбурги, Бельмонты, Штраусы, Гуггенхаймы, Лёбы и Шиффы накопили огромные состояния. Также Альберт Эйнштейн принимается Принстонским университетом. Решительный «пацифист» Эйнштейн оказывается впоследствии тем человеком, который уже в самом начале войны побуждает Франклина Рузвельта к созданию американской атомной бомбы!

Часть 9: Вторая мировая война и после нее – критические голоса

Между тем немцы Америки уже стали настолько недееспособными, что они вывешивают звездно-полосатый флаг в своих кругах и воспевают его громче, чем в других местах! Больше не существует объединений с немецким духом и немецким сознанием. Американские историки могут констатировать, что во время войны и после нее не больше одного процента американских немцев были «фанатичными национал-социалистами». «Журнал политики» в 1940 году называет Америку «братской могилой немецкого эмигранта».

Немецкие промышленники в значительной мере участвуют в производстве вооружения для войны против их исторической родины: «В сборочных цехах основанной выходцем из Верхнего Лимбурга фирмы «Боинг» в Сиэтле строятся бомбардировщики «Летающая крепость», которые сбрасывают 640 036 тонн бомб на Германию, Бехтели снаряжают военно-морской флот. Дуайт Д. Эйзенхауэр, предка которого изгнали из Оденвальда за пацифистское мировоззрение – главнокомандующий вооруженных сил союзников, Честер Д. Нимитц, бабушки и дедушки которого происходили из Бремена, – адмирал флота. Генералы Крюгер и Эйхенбергер командуют двумя армиями, генерал Карл Спаатс командует бомбардировочной авиацией, сотни тысяч солдат немецкого происхождения сражаются за Америку. После войны финансисты Бернард Барух и Генри Моргентау (младший) соревнуются в том, как можно было бы окончательно уничтожить Германию. Предки Баруха происходили из Восточной Пруссии, предки Моргентау – из Мангейма!»

(По поводу Моргентау и его печально известного плана американские авторы Стэнтон Эванс и Херберт Ромерстайн в книге «Тайные агенты Сталина» пишут, что этот план вызвал резкое противодействие американских военных. Военные справедливо полагали, что идея разделения Германии и уничтожения ее промышленности, как только о ней неизбежно узнают немцы, вызовет ожесточен-

ное сопротивление немецких войск на Западном фронте, что приведет к затягиванию войны и большим жертвам среди американских солдат (и немецких солдат тоже). За идеей плана Моргентау стоял, как уже известно, советский агент влияния Гарри Декстер Уайт, который, вероятно, способствовал также провоцированию японской атаки на Пёрл-Харбор, что было в интересах СССР. В советских интересах, как пишут Эванс и Ромерстайн, был и План Моргентау и аналогичные планы, усиливавшие сопротивление немцев западным союзникам, поскольку это давало возможность советским войскам захватить большую часть Восточной Европы и значительную часть Германии. Известно, что немцы, в общем, предпочитали сдаваться американцам и до последнего сражаться против Красной армии, однако, информация о планах послевоенного устройства Германии, вынашиваемых американским истеблишментом, в значительной степени под влиянием советских агентов влияния в США, только способствовала ожесточенному сопротивлению германских войск на Западе.

Надо также сказать, что позиция различных американцев в военных и политических структурах относительно Германии и немцев сильно различалась, и если этнический немец генерал Дуайт Эйзенхауэр проводил жесткую антинемецкую политику, то другой знаменитый американский генерал Джордж Паттон, англо-ирландского происхождения, воюя с немцами, был в восхищении от них. – прим. перев.)

Иоахим Фернау так пишет о вступлении в войну Рузвельта, того самого президента, кто, по единогласной оценке всех ревизионистов «ложью втянул Америку в войну»: ««Лузитания» когда-то стоила жизни 128 американцам, Пёрл-Харбор Рузвельта стоил 4000 погибших!» Людей, которыми хладнокровно пожертвовал этот честолюбивый и циничный поджигатель войны, чтобы принудить свой сопротивляющийся народ «с чёрного хода», наконец, к войне против держав «Оси»!

В отношении политики войны, военных целей и политической морали Америки доктор Людвиг А. Фрич, американский священник, пишет в своей распространённой вплоть до самых высоких кругов, включая президента Трумэна, книге «Ответственность Америки за преступления против немецкого народа»: «Перед лицом Бога я спрашиваю нашу нацию, я спрашиваю вас, ее служители Евангелия: Поступали ли немцы когда-нибудь в нашей истории с нами так несправедливо, как мы поступили с ними во время обеих мировых войн и все еще поступаем? Что сделали нам немцы, что мы, американцы, 'наказываем' их дважды на протяжении одного поколения самым жестоким и самым негуманным способом, какого до сих пор не знала история? Является ли это американской благодарно-

стью за всю ту тяжелую работу и за ту верность, с которой немецкие люди строили здесь нашу страну и завоевывали наши победы?»

Из немецких ученых и инженеров, которые работали под руководством Вернера фон Брауна в Пеенемюнде над созданием и развитием ракеты V-2 («Фау-2») и в 1945 году сдались американцам, примерно 120 «добровольно» как интеллектуальные трофеи отправились в Америку. Среди них был также достойный признания доктор Рудольф, которого позже – мавр сделал свое дело! – под лживым предлогом снова выслали из США, после того, как ранее ему предоставили американское гражданство! В рамках НАСА фон Браун конструирует в Хантсвилле в штате Алабама двигатели ракеты «Сатурн V», что делает возможным в 1969 году полет космического корабля «Аполлон» на Луну. Иммигрировавший в 1937 году потсдамский профессор по имени Мартин Шварцшильд существенно способствовал этому успеху своими расчетами. Также астронавт Нил Армстронг, «первый человек на луне», был немецкого происхождения с предками из вестфальского Ладбергена.

Между 1951 и 1960 годами начинается новая волна иммигрантов. Почти 478 000 немцев и примерно 104 000 австрийских иммигрантов – никаких минус-вариантов, как позже практикуется в другой стране, а всегда отобранных по строгим критериям! Дополнительно оккупанты привозят с собой домой несколько тысяч немецких женщин в качестве «военных невест».

Это преимущественно люди с особой квалификацией, которые больше не видят шансов для своего будущего у себя на родине, разрушенной англо-американскими бомбардировками. Дополнительная причина для безнадежности ищущих работу немцев – это послевоенные демонтажи жизненно важных немецких промышленных предприятий, а также поток миллионов немцев, спасающихся от сталинских орд.

Преподобный Фрич далее комментирует это послевоенное положение: «Передача и уступка Рузвельтом всех стран и народов в руки русских, самое жестокое изгнание миллионов восточных немцев с их многовековой родины, подготовка и осуществление Плана Эйзенхауэра-Моргентау, самого негуманного акта возмездия в известной нам мировой истории, мучительная смерть от голода и холода многих миллионов человек, бессмысленное и преднамеренное разрушение самых великолепных городов, все это уже больше не политические 'ошибки', как хотели бы заставить нас теперь верить наши государственные деятели, это сознательные, преднамеренные, умышленные преступления!»

В 1987 году американский Конгресс объявляет 6 октября «Днем Немецкой Америки», пустой жест, так как немцы в США по-прежнему являются единственным, хотя и самым большим меньшинством, у которого нет голоса. Все-таки тогда еще (за прошедшее с той поры время это снова стало абсолютным табу!) указывают на бесчисленные вклады немцев в создание и развитие Америки. Вспоминали, по словам Лэнгина, о том, что «Уолтер Крайслер» (Вальтер Крайслер) построил названную его именем автомобильную фирму, что выходец из Касселя Мартин Брилл создал самую большую фабрику по производству трамваев, Йоханн Бауш и Генрих Ломб – самое значительное производство оптических линз, выходец из Людвигсбурга Карл Пфицер – ведущий концерн по производству лекарств. Чарльз Шваб и Генри Флик считаются магнатами стальной индустрии, венец Чарльз Блюдорн был соучредителем и президентом «Gulf & Western Industries». Франк А. Зайбельринг, потомок иммигранта из Штутгарта, стоял у истоков фирмы «Goodyear», предки его конкурента «Harvey Firestone» (оба самые большие американские заводы резиновых изделий, прим. изд.) были иммигрировавшими через Эльзас австрийцами. Герман Холлерит в Америке выпустил на рынок первую электрическую вычислительную машину, а венка Хеди Ламарр (Хедвиг Кислер, также известная киноактриса) получила в 1942 году патент на систему дистанционного управления торпедами».

«Отзыв истории оставался противоречивым», добавляет Лэнгин. «Немецкие болезни, недостаточное сознание принадлежности к одной группе, являются затем формулами для того, чтобы быстро приспособиваться, без разбора и без сомнения ассимилироваться, что сделало американского немца ранней 'обезьяной англосаксов', превратило США в 'кладбище немцев'». В том же самом духе выражается историк Лампрехт в передовой статье его «Америки»: «Немец не справился как немец», что не могут скрыть уже никакие «Октоберфесты» с штанами на подтяжках, шляпы с кисточкой из волос сурны, пение йодля и большое количество пива!

Остается открытым вопрос, идет ли речь в случае заката этой самой многочисленной, самой трудолюбивой, а также, пожалуй, самой приличной этнической группы с самой низкой нормой преступности в США преимущественно о немецкой наивности и недостаточной политической способности, или же о грандиозной, продуманной эксплуатации немецкой силы и немецкого мастерства политически обученным и превосходящими в финансовом и управленческом отношении англосаксами.

О преступлениях, совершенных Америкой во время обеих мировых войн и после них по отношению к немецкому народу, а также другим народам преподобный

доктор Фрич со своей позиции образованного американского немца дает следующий комментарий: «Всю нашу сильную власть и мощь, и все эти прибыли мы получили по самой низкой цене, по сравнению со страшными убытками и потерями, которые мы причинили нашим 'врагам'. Во всей нашей прежней истории мы всегда были счастливыми победителями во всех наших захватнических войнах против индейцев, англичан, испанцев, мексиканцев, японцев и два раза против немцев. В этой последней гигантской борьбе народов мы потеряли только столько же людей, сколько погибли здесь дома в автокатастрофах. Американский Красный крест официально сообщил в 1945 году, что '99 % американских военнопленных выжили в немецком плену и возвращаются домой'. (В противоположность этому мы даже 1% немецких военнопленных не отправили домой, а предоставили их англичанам и французам для принудительного труда). И что касается 260 миллиардов долларов, которых стоила нам война Рузвельта, то они более чем окупались похищенными патентными тайнами, художественными сокровищами и услугами похищенных немецких ученых. Таким образом, мы из всех войн, которые мы вели, всегда только получали прибыль, одновременно, приносили всему остальному человечеству страшное и горькое разочарование. Но самый тяжелый грех перед лицом Бога и в свете истории состоит в том, что мы провинились как нация, убившая свою же мать. Так как Европа – это наша мать как в отношении физического происхождения, так и с духовной точки зрения. Прежде всего, мы должны были почитать и уважать тот народ, сыновья и дочери которого больше всего своей кровью и потом способствовали подъему нашей страны – немцев. Разве это не правда, что в артериях каждого третьего американца течет немецкая кровь?»

И о возможностях оставленной в покое Германии преподобный Фрич пишет дальше так: «По моему мнению, немцы после достижения их цели, объединения всех своих соплеменников, сами устранили бы пороки и перегибы гитлеризма. Их организаторские способности в самое короткое время произвели бы в Европе порядок и спокойствие. Они создали бы Соединенные Штаты Европы без кровопролития и предоставили бы в распоряжение всему миру свои способности в науках, искусствах и технике, как они делали это и раньше. Их духовная жизнь, прежде всего неповторимая немецкая музыка, обогатила бы жизнь на земле».

Что касается зависти к конкурентам со стороны Англии, которой, как ни странно, так восхищался Гитлер, то Фрич говорит об этом так: «Германия перед Второй мировой войной была в апогее своей силы, своей славы и уважения. Она строила самые большие и самые роскошные корабли в мире, которыми она завоевывала для себя мировой рынок, так как она могла предложить самые лучшие и самые дешевые товары. В области наук Германия опережала все народы.

Ее исследователи получили больше Нобелевских премий во всех дисциплинах, чем все другие нации вместе взятые. Из всех стран земли испытывающие жажду знаний люди и поклонники искусства приезжали в знаменитые университеты 'народа поэтов и мыслителей'. Но сила и величие Германии одновременно возбуждали также недоброжелательство и подозрения. Англия, считавшая себя отесненной на второе место, не успокоилась, пока ей, наконец, не удалось окружить Германию кольцом враждебных держав. Так Европа снова превратилась в пороховую бочку, и требовалось только искра, чтобы вызвать взрыв. Европа вспыхнула».

Да, во второй раз! Потому что о том, что касается предшествуемой большой европейской братоубийственной войны, он мог написать: «Когда наши солдаты возвращались домой с Первой мировой войны и осознавали печальные последствия нашего вмешательства в европейскую ссору, они восклицали: 'Мы сражались не на той стороне!'"»

В заключение приведу еще оценку другого видного американца, Остина Дж. Эппа из его книги «Самый ужасный мир в истории»: «Каждый немец, который чувствует себя виноватым по отношению к союзникам – дурак. Каждый американец, который ожидает это от него – мошенник».

(Желающим узнать больше о достижениях немцев в науке, технике, культуре и искусстве, а также о том, как до сих пор поддерживается на Западе германофобия, можно порекомендовать обратиться к книге англичанина Питера Уотсона «Германский гений» (Peter Watson, The German Genius). – прим. перев.)

Часть 10: Заключительное слово

Немцы, как известно, селились не только в Америке, но и в некоторых других странах, преимущественно также в Канаде, где только в одном Торонто живут 100 000 человек немецкого происхождения. Они ехали в Южную Африку, в Австралию, Аргентину, Уругвай, в Бразилию. Немцы также сыграли выдающуюся роль в развитии России, что было подробно описано в книге Лео Зиверса «Немцы и русские». Он легко приводит читателя к выводу, что без многочисленных немцев, врачей, ученых, изобретателей, солдат, инженеров, дипломатов, чиновников и архитекторов, не говоря уже о членах царской семьи, происходивших из немецких аристократических родов, Россия, вероятно, никогда не приобрела бы своего позднейшего значения и расширения.

(Автор этой работы Генрих Пиброк тоже посвятил немцам в России свою небольшую книгу [«Немцы помогают строить Россию»](#). – прим. перев.)

Во всех этих странах немцы добились замечательных достижений. За исключением Советского Союза, где безумная система как молох поглотила развившуюся за столетия высокую культуру, плоды немецкой работы и немецкого усердия продолжают действовать.

Только в своей собственной стране немцы неоднократно вместо того, чтобы с постоянством и целеустремленностью служить собственному величию и единству, погружались в междоусобные споры, боролись друг с другом в кровавых религиозных войнах из-за абстрактных теорий, бессмысленно растрачивая свою силу и способности.

Фридрих Хеббель однажды написал, что у немца есть все качества, чтобы завоевать себе небо, но ни одного качества, чтобы утвердиться на Земле.

Для нашего народа, без сомнения, было бы более выгодно, если бы он вместо того, чтобы завоевывать «небо», осчастливливать полмира и, в свою очередь, не пожинать ничего, кроме неблагодарности, со здоровой порцией эгоизма и чувством реальности заботился бы о своем выживании и существовании на этой земле! Следует кое-чему научиться у англичан, которые расселялись по миру не для того, чтобы служить другим нациям и приносить им пользу! Нет, они хотели оставаться англичанами, которые не ассимилировались, а уверенно сохраняли свой язык, свой собственный образ жизни и свои традиции!

Очевидно, немцам, которые под чужим верховенством в чужих землях совершали такие великие дела, в их собственной стране не хватало руководящей элиты, которая могла бы умно направить творческие возможности немецкого народа на те пути, которые помогли бы процветанию собственной страны вместо дальних континентов. Согласно старому принципу, с которым наш учитель латыни обычно увещевал нас перед классными работами: Каждый сам за себя и Бог за нас всех!

(Мы хотели бы привести цитату Фридриха Хеббеля (род. 18.03.1813 в Вессельбурене, умер 13.12.1863 в Вене) полностью.

04.01.1860 он писал в своем дневнике: «Возможно, что немец еще раз исчезнет с мировой сцены, так как у него есть все качества, чтобы завоевать себе небо, но ни одного качества, чтобы утвердиться на Земле, и все нации ненавидят его как злые ненавидят доброго. Но если им действительно однажды удастся вы-

теснить его, то возникнет ситуация, в которой они снова захотели бы собственными ногтями выцарапать его из могилы». – прим. ред.)

Часть 11: Послесловие наборщика [печатного издания этой работы]

Эта работа оставляет вопрос: Что означает история американских немцев для Германии, для любой другой страны, для самой Америки? Основывается ли отеснение нашего языка, нашей истории и т.д. на нашей нерадивости и небрежности, или на целенаправленных противодействиях, или же и на том и на другом?

Из 5000 культурных языков этого мира большинство находится на стадии исчезновения. В 1999 году в университете Грайфсвальда одна треть учебных специальностей преподается на английском языке. Свободный университет Берлина проводит с 31.7 по 27.8.99 летний университет о Берлине, Германии и Европе; язык преподавания: английский! (DLF, 4.2.99, 14:50). На целых факультетах высшей школы считается естественным, что докторские диссертации пишутся на английском языке. Когда один офицер Бундесвера рассказывал по немецкому национальному радио «Deutschlandfunk» о Косово, некоторые важные слова в его рассказе были английскими – без всяких объяснений, что они означали. В некоторых специальностях, если они пишут на «немецком», сразу же оставляют много английских слов неперевоенными или специально изобретают слова, которые звучат «по-английски». В Дании есть датская фабрика, датское руководство которой общается друг с другом по-английски. Язык концерна нового объединения «Даймлер-Крайслер»: английский!

Вероятно, это неизбежное развитие вроде таяния снега весной; вероятно, нет: все-таки языки, однако, не исчезают в Европе так быстро, как в США; очевидно, у нас еще есть значительные силы для наших языков.

Язык определяет мышление. Я сам отказываюсь от переориентации на язык, в котором нет собственного слова для обозначения родины, и пользователи которого, как показала история, также ведут себя соответствующим образом.

Часть 12: Библиография

Brachvogel, A. E., Oberst von Steuben; Eduard Kaiser, Klagenfurt.

Brock, Robert L., Freispruch für Deutschland; FZ-Verlag, München, 1995.

Dall, Curtis B., Amerikas Kriegspolitik; Grabert, Tübingen, 1975.

Eckert, Horst, Kriegsschuld; Eigenverlag, München, 1993.
Fernau, Joachim; Halleluja, Goldmann-Herbig, Berlin, 1977.
Fish, Hamilton, Der zerbrochene Mythos; Grabert, Tübingen, 1989.
Fritsch, Ludwig A., Amerikas Verantwortung für das Verbrechen am deutschen Volk, Tübingen 1969, 1994.
Hebbel, Friedrich, Tagebücher, Band 2, Wien 1887.
Längin, Bernd G., Aus Deutschen werden Amerikaner, Eckartschriften, Wien 1993.
Molo, Walter von, Ein Deutscher ohne Deutschland, Berlin 1950.
Nation und Europa, «Der Weltpolizist», Coburg April 1998.
Ostpreußenblatt, «Morgenröte einer Weltmacht», Hamburg, 9. Mai 1998.
Ostpreußenblatt, «Das englische Gift», Hamburg, 1. August 1998.
Paine, Thomas, Das Zeitalter der Vernunft, Reihe knapp + klar Heft 4.
Pannwitz, Harald, Alliierte Umerziehung, Reihe knapp + klar Heft 2.
Piebrock, Heinrich, Walter Flex, Reihe knapp + klar Heft 23.
Preuß, Armin, Prinz Eugen, Reihe knapp + klar Heft 12.
Schlesier, Austin J. App, 4. Sept. 1998.
Seeger, Wolfgang, Greuelpropaganda und Massenverbrechen, Grabert, Tübingen 1988.
Sievers, Leo, Deutsche und Russen, Gruner + Jahr / Bertelsmann, Hamburg 1991.
Sutton, Anthony C., Roosevelt und die internationale Hochfinanz, Tübingen 1969, 1990.

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).